

**ПАВЕЛ ДМИТРИЕВИЧ
БЛОХИН**

доцент юридического
факультета
Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»
(Санкт-Петербург),
кандидат юридических
наук

ФЕНОМЕН СПОЙЛЕРСТВА И ЗНАЧЕНИЕ ЦЕЛИ В ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ

В настоящей статье рассматривается феномен спойлерства в публичном праве. Под этим явлением предлагается понимать такое поведение субъектов правоотношений (включая представителей органов власти), основная цель которого путем несправедливого распределения имеющихся ограниченных ресурсов затруднить (блокировать) реализацию иными субъектами их конституционных прав. В качестве примеров рассматриваются три ситуации. Во-первых, оспаривание лицом в порядке административного судопроизводства правового акта, содержащего нормативные и индивидуальные предписания, чтобы воспрепятствовать его оспариванию в будущем иными заинтересованными лицами. Во-вторых, подача уведомления о проведении публичного мероприятия в специально отведенном для этого месте, чтобы блокировать возможность проведения иного мероприятия в том же месте в то же время. В-третьих, смена лицом фамилии и последующая регистрация в качестве кандидата на выборную должность, чтобы лишить части голосов избирателей более известного кандидата с той же фамилией, баллотирующегося в том же избирательном округе.

Ключевые слова: спойлерство, злоупотребление правом, публичные мероприятия, кандидат на выборную должность, оспаривание нормативных актов

DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-5-43-50

Многозначность английского языка в сочетании с тематикой настоящего номера требуют особенно аккуратного обращения с терминами и вынуждают к некоторым пояснениям. Слово «спойлерство» (от англ. *spoil* — портить или отбирать, обкрадывать) — довольно популярный неологизм, находящий применение в очень разных сферах. В политической науке под спойлерством понимают участие в процессе мирного урегулирования геополитического конфликта группы лиц, которая затягивает или вовсе препятствует прекращению конфликта

ради достижения собственных корыстных интересов¹. Исследователи популярной культуры, говоря о спойлерстве, имеют в виду преждевременное сообщение аудитории — обычно против ее воли — информации о развитии сюжета художественного произведения, что «подрывает негласное соглашение между отправителями развлекательного повествования и его реципиентами»². Наконец, в сфере публичного права спойлерством я предложил называть такое поведение субъектов правоотношений (включая представителей органов власти), которое имеет своей основной целью путем несправедливого распределения имеющихся ограниченных ресурсов затруднить (блокировать) реализацию иными субъектами их конституционных прав³.

Именно в этом последнем значении термин «спойлерство» будет использоваться в статье. Далее я предлагаю рассмотреть три примера ситуаций, когда поведение субъектов публично-правовых отношений можно назвать спойлерством.

1. Оспаривание лицом в порядке административного судопроизводства правового акта, содержащего нормативные и индивидуальные предписания, чтобы воспрепятствовать его оспариванию в будущем иными заинтересованными лицами

Рассматриваемую здесь проблему можно проиллюстрировать на примере судебного оспаривания актов органов исполнительной власти, которые принимаются на основании п. 4 ст. 222 ГК РФ и которыми предписывается снос самовольно возведенных строений. Как показала практика, такой акт обычно состоит из общей (нормативной) и конкретной (ненормативной) части: первая включает положение о порядке сноса, а вторая имеет вид табличного приложения с перечнем конкретных объектов.

¹ См., напр.: Newman E., Richmond O. The Impact of Spoilers on Peace Process and Peacebuilding. United Nations University Press, 2006. С. 1–19.

² См., напр.: Козлов Е.В. Периферия зрелища: спойлер и тизер // Наука телевидения. 2019. № 1. С. 143.

³ Блохин П.Д. Спойлерство как частный случай злоупотребления полномочиями // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 1. С. 34–50

Так, ООО «ПОЛЮС-РБ» оспорило один из пунктов такого перечня, утвержденного постановлением Правительства Москвы от 8 декабря 2015 года № 829, который касался принадлежащего обществу объекта недвижимости. Московский городской суд отказал в принятии этого искового заявления ввиду следующего: ранее решением того же суда, принятым по административным искам четырех иных хозяйственных обществ, данное постановление проверено (как нормативный акт) в полном объеме и признано законным.

Легальным основанием для ограничения доступа к судебной защите в делах, подобных этому, служат следующие тесно взаимосвязанные положения Кодекса административного судопроизводства РФ (далее — КАС РФ):

1) п. 4 ч. 1 ст. 128, в силу которого суд отказывает в принятии заявления об оспаривании нормативного акта, в случае если «имеется вступившее в законную силу решение суда, принятое по административному иску о том же предмете». Иными словами, тождество административных исков имеет место уже при совпадении предмета оспаривания. То, что различаются субъекты оспаривания, а равно правовые и фактические основания исков, правового значения не имеет;

2) ч. 7 ст. 213, согласно которой при проверке законности оспариваемых положений нормативного акта «суд не связан основаниями и доводами, содержащимися в административном исковом заявлении». Тем самым предполагается, что, рассмотрев единожды административное дело, суд уже оценил законность нормативно-правового акта по всем существовавшим основаниям, в связи с чем приведение истцом новых оснований не имеет правового значения.

Указанная правовая конструкция в подобных случаях приводит к следующим важным последствиям: заинтересованное лицо лишается возможности обосновать в суде незаконность конкретного положения индивидуального характера, обращенного лично к нему. Делается допущение, будто бы права такого заинтересованного лица суд уже защитил при посредстве иного административного истца, который оспорил акт целиком.

При этом игнорируется тот факт, что включение конкретного объекта в спорный перечень требует оценки

конкретных оснований для этого, указанных в ст. 222 ГК РФ о сносе самовольных строений. Игнорируется и то, что заинтересованное лицо не может воспользоваться гарантиями, предоставляемыми состязательным процессом, на что справедливо обращает внимание А.Н. Кокотов⁴.

Сказанное, безусловно, касается не только приведенной категории дел: похожая ситуация может возникнуть, например, с оспариванием проекта планировки (проекта межевания) территории, который содержит как общую (нормативную), так и индивидуальную (правоприменительную) часть, скажем, об изъятии в публичных нуждах конкретного земельного участка. Нельзя исключать, что такая тактика будет использована, по меткому выражению И.Р. Медведева, для «отбеливания» нормативного акта, когда он оспаривается по основаниям и доводам, заведомо несостоятельным («кривым»), чтобы избежать признания его незаконным в будущем⁵. Косвенным подтверждением спойлерского характера таких действий ученый предложил считать неявку административного истца в судебное заседание в отсутствие объективных к тому препятствий. Какие же варианты толкования могут быть использованы для противодействия потенциально недобросовестным практикам?

Прежде всего, КС РФ стабильно указывает, что не предполагается отказ суда в принятии заявления в случае, если основания, указанные в данном заявлении, отличались от оснований ранее рассмотренного судом заявления о том же предмете⁶. Однако нельзя не учитывать, что данная позиция впервые была высказана еще в период действия старой редакции ГПК РФ, которая вполне допускала такую трактовку (ст. 250 и ч. 8 ст. 251), тогда как пришедший на смену ей КАС РФ прямо такое толкование исключает. Во-вторых, такая позиция, по мнению А.А. Джагаряна, основана на трактовке п. 4 ч. 1 ст. 128 КАС РФ как допускающей отказ в принятии иска «о том же предмете» лишь при оспаривании нормативных актов «в защиту неопределенного круга лиц»; в иных же случаях

оспаривания требуется также совпадение оснований исков⁷. Но такая трактовка искажала бы буквальный смысл нормы: ее оговорка о «правах неопределенного круга лиц» относится не к разновидности административных исков об оспаривании нормативно-правового акта (например, заявляемых прокурором), а к «решениям, действиям (бездействию)», которые могут иметь как индивидуальный, так и общий характер.

В связи с изложенным представляется более перспективным — по крайней мере применительно к случаям, аналогичным рассматриваемому — следующий подход. Действительно, суд «проверяет законность положений нормативного правового акта, которые оспариваются» заявителем (упомянутая ч. 7 ст. 213 КАС РФ), и, соответственно, может проверить его целиком. Однако в силу иных процессуальных правил административный истец, в том числе играющий роль спойлера, не может произвольно определять предмет оспаривания. Он вправе оспаривать лишь те правовые положения, которые «нарушают или иным образом затрагивают» именно его права (п. 3 ч. 1 ст. 128 и ч. 1 ст. 208 КАС РФ).

Из этого, вероятно, следует: если истец оспаривает правовой акт в полном объеме, при этом данный акт содержит нормативные и индивидуальные положения, суд обязан выделить те предписания, которые затрагивают права заявителя, и отказать в принятии⁸ (прекратить производство) в отношении положений, адресованных иным субъектам. Такой акт уже нельзя будет считать проверенным в полном объеме, законная сила судебного решения в части индивидуальных предписаний будет ограничена сторонами процесса, а при обращении нового заявителя предмет оспаривания будет иным.

Подобный дифференцированный подход, надо полагать, не разошелся бы с теоретическими пред-

⁴ Мнение А.Н. Кокотова к Определению КС РФ от 28.09.2017 № 1824-О // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Медведев И.Р. «Отбеливание» нормативных правовых актов по главе 24 ГПК РФ: миф или реальность // Закон. 2009. № 6. С. 201.

⁶ См.: Определения от 26.05.2016 № 1068-О, от 25.05.2017 № 966-О, от 28.09.2017 № 1824-О и др.

⁷ Джагарян А.А. Право на оспаривание нормативного акта как неотъемлемый способ судебной защиты: Проблемы регулирования и реализации в административном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 3. С. 263–287

⁸ Такая процессуальная возможность полностью подтверждается п. 15 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами».

ставлениями о нормоконтрольной деятельности. Так, во французской юриспруденции подчеркивается: «норма „отсутствует заинтересованность — отсутствует иск“ является общим процессуальным принципом»; при этом если «ущерб, на который ссылаются, связан только с частью акта» и «отсутствует взаимозависимость между различными частями» этого акта, возможно его «частичное аннулирование»⁹. Иными словами, облечение индивидуальных по своему характеру предписаний в одежду нормативного акта не может служить формальным основанием для их сплошной проверки с целью лишения заинтересованных лиц права на судебную защиту.

2. Подача уведомления о проведении публичного мероприятия в специально отведенном для этого месте, чтобы блокировать возможность проведения иного мероприятия в том же месте в то же время

Перед КС РФ неоднократно ставилась проблема отказа в согласовании публичного мероприятия в связи с тем, что ранее согласовано проведение другого публичного мероприятия в указанном месте в то же время. Как следовало из материалов одного обращения, уведомление заявителя о проведении митинга антикоррупционной направленности на центральной городской площади было зарегистрировано в местной администрации в 08:33. Однако впоследствии выяснилось, что еще в 08:31 того же дня было подано уведомление о проведении другого мероприятия. Тем не менее спустя несколько дней иному лицу все же согласовали публичную акцию в том же месте и в указанное время.

Согласно материалам другого обращения, заявительница подала уведомления о проведении публичных мероприятий, в частности митинга по природоохранной тематике, в едином специально отведенном месте в городе. Однако не менее 15 раз это место в указанные ею даты оказывалось занято одними и теми же лицами, которые впоследствии от проведения своих мероприятий отказывались. При этом в журнале

регистрации уведомлений заполнялись только даты приема этих уведомлений, но не время приема, что затрудняло достоверное установление очередности.

Каковы же конституционно-правовые ориентиры для противодействия подобным спойлерским практикам? Как отметил КС РФ в определениях, принятых по указанным жалобам, по смыслу норм Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» «представители публичной власти должны привести веские доводы в обоснование того, что проведение публичного мероприятия в заявленном месте и (или) в заявленное время не просто нежелательно, а *невозможно* в связи с необходимостью защиты конституционно признаваемых ценностей», ввиду чего «возникающие случаи отступления от смысла данных положений, как он выявлен Конституционным Судом Российской Федерации, подлежат исправлению в рамках системы судов общей юрисдикции»¹⁰. При этом, по мнению Суда, законом «закрепляется объективный критерий, на основании которого уполномоченный орган местного самоуправления разрешает возможные разногласия между участниками разных публичных мероприятий»¹¹.

Указанный критерий сформулирован в ст. 8 указанного Федерального закона, согласно которой очередность использования специально отведенных мест определяется исходя из времени получения соответствующего уведомления (ч. 1.2), и в ст. 12, согласно которой при получении уведомления о проведении публичного мероприятия указываются дата и время его регистрации (п. 1 ч. 1). В случае же невозможности проведения мероприятия, например из-за совпадающей с ним по времени иной акции, запланированной ранее, орган публичной власти направляет организатору обоснованное предложение об изменении места и (или) времени его проведения (п. 2 ч. 1 ст. 12). Следует заметить, что эта нормативная конструкция страдает некоторой противоречивостью: по общему правилу подавать уведомление о проведении публичной акции в едином специально отведенном месте организатору вовсе не требуется. В принципе, в этом и состоит основное различие между такими местами и всеми остальными публичными форумами. Чтобы как-то разрешить это противоречие, ВС РФ указал

⁹ Ведель Ж. Административное право Франции / пер. с фр. Л.М. Энтина; под ред. М.А. Крутоголова. М., 1973. С. 351, 377.

¹⁰ Определение КС РФ от 23.12.2014 № 2975-О.

¹¹ Определение КС РФ от 27.02.2020 № 530-О.

на необходимость, наряду с уведомлением в собственном смысле, *информирования* организатором публичного мероприятия органа публичной власти о намерении провести данное мероприятие в специально отведенном месте¹². Собственно, именно такое информирование только и позволяет применить критерий очередности при использовании специально отведенного места.

В порядке *de lege ferenda* можно было бы предложить иной объективный критерий для разрешения спора между двумя конкурирующими публичными акциями, который просто устранил бы соблазн манипулировать временем подачи и приема уведомлений. Как указывает Т.М. Храмова, в некоторых правопорядках при поступлении нескольких заявок «предпочтение получает то лицо, чье имя будет определено путем жеребьевки, организованной комиссаром полиции или другим уполномоченным им сотрудником»¹³. Однако это предложение не означает, что в рамках существующей модели, основанной на очередности, невозможно противодействовать злоупотребительным практикам.

Во-первых, соответствующие положения Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» можно конкретизировать следующим образом: уведомление о проведении публичного мероприятия, которое подается в орган исполнительной власти субъекта РФ (орган местного самоуправления) в письменной форме, подлежит регистрации таким способом, который позволяет любому заинтересованному лицу достоверно установить дату и точное время его подачи.

Это было бы возможно, например, путем обязательного проставления соответствующей отметки в журнале учета уведомлений или в каком-либо реестре уведомлений, размещаемом на интернет-сайте органа власти в порядке, предусмотренном ст. 13 Федераль-

ного закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Правда, установление таких конкретных правил выходило бы за рамки конституционно-правового истолкования и требовало бы внесения поправок в действующее законодательство.

Во-вторых, следовало бы признать обязанностью органа публичной власти каждый раз приводить обоснование того, почему невозможно проведение двух мероприятий в одном месте одновременно, с учетом планируемых целей, формы и численности этих мероприятий, с одной стороны, и площади этого места, задействованных сил охраны правопорядка, с другой стороны.

По сути, это являлось бы развитием правовой позиции, высказанной КС РФ и процитированной выше. Это также согласовывалось бы с правовой позицией ВС РФ, который в Постановлении № 28 указал: «...организатору указанного публичного мероприятия может быть предложено изменить место и (или) время его проведения в случае, когда проведение указанного публичного мероприятия совместно с иным публичным мероприятием, уведомление (информирование) о проведении которого было направлено в органы публичной власти ранее <...> не позволит обеспечить их мирный характер силами правопорядка, обычно применяемыми для обеспечения проведения схожих по численности публичных мероприятий или привлеченными для этих целей дополнительно, и потребует принятия чрезвычайных мер со стороны правоохранительных органов»¹⁴.

3. Смена лицом фамилии и последующая регистрация в качестве кандидата на выборную должность, чтобы лишить части голосов избирателей более известного кандидата с той же фамилией, баллотирующегося в том же избирательном округе

Одна из широко апробированных в России избирательных технологий — регистрация так называемых кан-

¹² См.: Постановление Пленума ВС РФ от 26.06.2018 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях».

¹³ Храмова Т.М. Право на контрдемонстрации: угроза или индикатор уровня демократии? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7. С. 10–16, 13.

¹⁴ Постановление Пленума ВС РФ от 26.06.2018 № 28.

дидатов-клонов (кандидатов-двойников) на выборах в органы публичной власти. Для этого ранее неизвестные лица накануне выборов меняют имя и фамилию (а порой и внешность) и регистрируются в качестве кандидатов в тех же избирательных округах, в которых выдвигаются политики, имеющие значительную поддержку избирателей. Названную технологию могут использовать недобросовестные лица, чтобы получить неконкурентные преимущества на выборах для себя или чтобы «оттянуть» часть голосов от оппозиционных кандидатов в пользу кандидатов провластных. Во втором случае кандидат-двойник выступает в роли спойлера, а не реализует собственное избирательное право, что обычно подтверждает его пассивное поведение в ходе избирательной кампании — т.е. отсутствуют реальные намерения занять выборный мандат. Примеры обеих ситуаций в прошлом неоднократно имели место на региональных и муниципальных выборах в Нижегородской области¹⁵ и совсем недавно — на федеральных и региональных выборах в Санкт-Петербурге¹⁶.

Так, политическая партия «ЯБЛОКО» обратилась в ЦИК РФ с жалобой на нарушение избирательного законодательства в ходе выборов депутатов Государственной Думы РФ восьмого созыва и просила признать их результаты недействительными. В числе многих иных доводов жалобы было указано на использование «грязных» избирательных технологий, а именно выдвижение двух кандидатов под именем Борис Вишнеvский в одномандатном избирательном округе № 216 (г. Санкт-Петербург, Центральный избирательный округ). Постановлением ЦИК РФ в удовлетворении данной жалобы было отказано, при этом среди прочего было отмечено следующее: «...законодательство о выборах не содержит запрета на выдвижение на одних и тех же выборах граждан, имеющих одинаковые фамилию и имя»¹⁷. По причинам, рассмотренным ниже, с указанным тезисом невозможно не согласиться; вместе с тем это не значит, что отсутствуют правовые средства, которые по-

зволили бы эффективно препятствовать такого рода злоупотреблениям избирательными правами.

Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» достаточно детально регламентирует порядок смены лицом имени: для этого такое лицо должно лично подать в орган ЗАГСа письменное заявление, в котором указаны выбранные им фамилия, имя или отчество и причины смены имени (абз. 6 и 7 ст. 59); отказ в государственной регистрации смены имени должен быть мотивирован и допускается лишь в случаях, когда такая регистрация противоречила бы закону или когда представленные документы не соответствуют требованиям (п. 1 ст. 11 и п. 5 ст. 60).

Хотя, как справедливо указывал КС РФ, закон «не предполагает, что соответствующее право может быть реализовано гражданином в безусловном порядке»¹⁸, тем не менее органы публичной власти не наделены усмотрением в вопросе об обоснованности (целесообразности) смены лицом имени; они могут требовать обоснования мотивов этого шага, но не вправе оценивать качество такого обоснования. Равным образом, хотя Европейский суд по правам человека допускает, что «причины, связанные с общественными интересами, могут служить основанием для законных ограничений такой возможности», он неоднократно находил запрет смены имени не отвечающим насущной общественной необходимости (несоразмерным)¹⁹.

|| Таким образом, вряд ли одно лишь предположение о том, что смену имени лицо использует для недобросовестного участия в избирательной кампании, могло бы оправдать отказ в этом.

Очевидно, что средство защиты прав добросовестных кандидатов в таком случае лежит в иной плоскости, а именно в области избирательного законодательства. Еще в 2016 году парламент предусмотрел в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» важные изменения: «Если кандидат менял фамилию, или имя, или отчество в период избирательной кампании либо в течение года до дня официального опубликования (публикации) решения о назначении

¹⁵ Нижегородские кандидаты ради мандата массово забывают родного отца // Правда ПФО. 2016. 13 июля. URL: <https://pravdapfo.ru/articles/80582-nizhegorodskie-kandidaty-radi/> (дата обращения: 17.05.2022).

¹⁶ Коротков Д. Размножение депутата Вишнеvского // Новая газета. 2021. № 79. 21 июля. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/19/byt-deputatom-vishnevskim> (дата обращения: 17.05.2022).

¹⁷ Постановление ЦИК России от 24.09.2021 № 60/466-8.

¹⁸ Определение КС РФ от 29.03.2016 № 693-О.

¹⁹ Постановлении ЕСПЧ от 25.06.2019 по делу «Акташ и Асланскендер (Akta and Aslaniskender) против Турции».

выборов, в бюллетене также указываются его прежние фамилия, или имя, или отчество» (подп. «а» п. 5 ст. 63).

Безусловно, это важная гарантия, поскольку многие избиратели знакомятся с личностью кандидатов уже в кабине для голосования; вместе с тем она могла бы получить дальнейшее свое развитие с целью окончательно лишить недобросовестных кандидатов неконкурентных преимуществ.

Так, закон обязывает избирательные комиссии публиковать (в том числе в Интернете) сведения о кандидатах, включающие, например, место его жительства, но умалчивает о необходимости сообщать факт смены имени (п. 2 ст. 30). Равным образом, подписной лист для сбора подписей в поддержку выдвижения кандидата требует указывать в нем, например, сведения о его судимости, но также ничего не говорит о сведениях о прежнем имени (ст. 37); примерно то же самое касается информационного стенда, размещаемого в помещении для голосования или непосредственно перед ним (ст. 61). Не ясно, почему законодатель предпринял лишь фрагментарные меры, не обеспечив прозрачность и конкурентность выборов в рассматриваемом аспекте всеми доступными способами. КС РФ многократно подтверждал, что предоставление сведений об имевшейся в прошлом судимости влияет «на оценку избирателями личности кандидата на выборную должность», выступая при этом «в качестве условия реализации пассивного избирательного права, а не как его ограничение»²⁰. Представляется, что эту позицию можно было бы применить и к рассматриваемому случаю.

Поскольку практики ЕСПЧ непосредственно по спорному вопросу не обнаружено, стоит привести пример из смежной области. В деле «Тасев против Северной Македонии»²¹ заявителю, являвшемуся судьей, отказали в изменении национальности с болгарской на македонскую в избирательных документах. Отказ был вызван тем, что соответствующее намерение заявитель выразил сразу после объявления выборов в Национальный судебный совет и ничем не обосновал. Суды сочли, что поведение заявителя являлось

злоупотреблением правом, поскольку было связано исключительно с наличием квоты для представителей этнического меньшинства в Совете. Тем не менее ЕСПЧ установил нарушение права заявителя на уважение частной жизни, сочтя, что отказ не был прямо предусмотрен законом. Такое решение представляется весьма сомнительным как по формальным, так и по сущностным основаниям: закон допускал лишь исправление (*rectification*), а не изменение сведений о национальности; в любом случае действия, имевшие характер злоупотребления правом, вряд ли защищаются правом на уважение частной жизни.

4. Выводы

Как видно, в этих очень разных примерах есть кое-что их объединяющее: внешне совершенно законное (и даже иногда поощряемое) поведение субъектов публичных правоотношений преследует неправовые цели (такие, которые в иных случаях невозможно достичь правомерными способами). Так, смена фамилии есть, безусловно, элемент конституционного права любого лица, однако введение в заблуждение избирателей относительно личности кандидата правом не защищается. Ситуация усугубляется тем, что объем ресурсов (в самом широком смысле), доступных участникам публичных правоотношений, зачастую строго лимитирован. Так, в российской правовой системе (в условиях отсутствия панаширования или подобного механизма) действует принцип «один избиратель — одни выборы — один голос».

Фактически речь идет о такой разновидности злоупотребления правом, которая в некоторых право порядках получила наименование «злоупотребление властью» (фр. *détournement de pouvoir*) ввиду участия публично-властного субъекта в правоотношении²². Такое поведение приводит к любопытному, имея в виду тематику настоящего номера, последствию для механизма правоприменения: выяснение аутентичной воли законодателя (то, что мы именуем целевым толкованием) дополняется необходимостью выяснения целей, которые движут субъектами правоотношений.

²⁰ Определения КС РФ от 10.03.2016 № 450-О и от 10.03.2016 № 451-О.

²¹ Постановление ЕСПЧ от 16.05.2019 по делу «Тасев (*Tasev*) против Северной Македонии».

²² См. подробнее: *Блохин П.Д.* Злоупотребление правами и злоупотребление властью: к построению единой доктрины // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 2. С. 34–50.

Однако на практике выявить такие цели весьма проблематично. Как, например, доказательно обосновать, что некоторое лицо, меняя фамилию в начале избирательной кампании, преследовало исключительно цель получить неконкурентные преимущества на выборах? Косвенным доказательством спойлерства может быть отказ кандидата от ведения агитации (от проведения митинга, неявка в судебное заседание). В связи с этим, чтобы избежать превратного истолкования мотивов конкретного лица и, следовательно, произвольного правоприменения, представляется оправданным иногда на нормативном уровне предусмотреть некое общее правило поведения, которое будет применяться безразлично к таким мотивам. Безусловно, соразмерность подобного правила поведения — например, запрет участвовать в выборах лицам, изменившим фамилию незадолго до начала избирательной кампании, или же требование указывать прежнюю фамилию кандидата во всех избирательных документах — подлежит судебной оценке. ■

The Phenomenon of “Spoiling” and the Meaning of Purpose in Public Law

This article discusses the phenomenon of “spoiling” in public law. This phenomenon is proposed to be understood as the behaviour of the subjects of legal relations (including representatives of the authorities) whose main purpose is to make it difficult (to block) for other subjects to realise their constitutional rights. Three situations are considered as examples. First, the challenge by a person, through administrative proceedings, of a legal act containing normative and individual precepts in order to prevent other interested parties from challenging it in the future. Second, the submission of a notification of a public event in a designated place in order to block the possibility of holding another event in the same place at the same time. Third, a changing person name and then registering as a candidate

for elected office in order to deny a share of the vote to a better known candidate with the same name who is running in the same constituency.

Keywords: *spoilers, abuse of rights, public assemblies, candidate in the election, contesting normative acts*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel D. Blokhin

Associate Professor of the Faculty of Law at National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg), Candidate of Juridical Sciences (e-mail: dartpaulus@mail.ru)

REFERENCES

Blokhin, P. D. Abuse of Rights and Abuse of Power: To the Formation of a Unified Doctrine [Zloupotreblenie Pravami / Zloupotreblenie Vlast'ju: K Postroeniju Edinoj Doktriny]. *Comparative Constitutional Review [Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie]*. 2018. No. 2. P. 34–50.

Blokhin, P. D. Spoilers as a Form of Abuse of Power [Spojlerstvo kak chastnyj sluchaj zloupotreblenija polnomochijami]. *Comparative Constitutional Review [Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie]*. 2021. No. 1. P. 47–58.

Dzhagaryan, A.A. The Right of Contestation of a Normative Act as an Integral Method of Judicial Protection: Problems of Regulation and Implementation in Administrative Procedure [Pravo na osparivanie normativnogo akta kak neotemlemyj sposob sudebnoj zashhity: problemy regulirovaniya i realizacii v administrativnom sudoproizvodstve]. *Herald of Civil Procedure [Vestnik grazhdanskogo processa]*, 2019. No. 3. P. 263–287.

French Administrative Law. Translation from French [Administrativnoe pravo Francii. Perevod s francuzskogo] / Wedel Zh.; ed.: Krutogolov M.A.; Transl.: Entin L.M. M., 1973. 512 p.

Kozlov, E.V. The Periphery of the Spectacle: the Spoiler and the Teaser [Periferija zrelishha: spojler i tizer]. *The Art and Science of Television [Nauka televidenija]*. 2019. No. 1. P. 139–154.

Newman, E. and Richmond, O. The Impact of Spoilers on Peace Process and Peacebuilding. United Nations University Press. 2006. No. 2. P. 1–19.